

Полубояринова Лариса Николаевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
l.poluboyarinova@spbu.ru

Мировая литература в промежутке культур: о русском издании *Турецких писем* Келемена Микеша

Для цитирования: Полубояринова Л. Н. Мировая литература в промежутке культур: о русском издании *Турецких писем* Келемена Микеша. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2019, 16 (4): 702–712. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.410>

В статье дается развернутый критический отзыв о русскоязычном комментированном научном издании выдающегося памятника венгерской повествовательной прозы XVIII в. — «Турецких писем» Келемена Микеша. Текст Микеша анализируется с точки зрения актуальной в последнее время категории «мировая литература». В ходе анализа выявляются три важных момента связи «Турецких писем» с мировой литературой, а именно: во-первых, высокая степень «интернациональности» идей, сюжетов и мотивов, представленных в данном произведении, в том числе в виде очевидных и скрытых цитат; во-вторых, особое качество конструирования автором собственного пишущего Я; и, в-третьих, примечательная острота и глубина кросс-культурного и кросс-конфессионального анализа, которому европейски образованный венгерский интеллигент-христианин подвергает исламский контекст Османской Порты и тот специфический мультикультурный «промежуток» (в контакте с турецкой, армянской, еврейской и греческой культурами), в котором он жил в течение нескольких десятилетий. Выделяя некоторые недочеты научного аппарата издания, автор статьи делает вывод об общем высоком качестве филологической культуры, присущем русскому варианту «Турецких писем». В ходе сравнения «хотинского» эпизода «Писем» Микеша с «хотинской» одой М. В. Ломоносова делается вывод о противонаправленности литературных заданий двух авторов-современников. Ломоносов, поэт-одописец, строит яркую, но условную и отчетливо поляризованную картину противостояния христианского и мусульманского миров, в рамках которой его симпатии однозначно принадлежат первому миру, репрезентированному российским войском. Микеш-прозаик, напротив, занимает в политическом плане индифферентную позицию, не примыкая ни к одному из лагерей, в своем восприятии оказываясь при этом открытым реальному пространственному контексту. Ломоносов строит выдающийся памятник национальной литературы из элементов мировой; Микеш, напротив, опираясь на собственный персональный опыт изгнанника-маргинала, поднимает венгерскую национальную словесность в медиуме своих «Писем» до уровня мировой литературы.

Ключевые слова: Турецкие письма Келемена Микеша, Хотинская ода М. В. Ломоносова, мировая литература, национальная литература, эпистолярная проза.

В серии «Литературные памятники» издательства «Наука» вышел русский перевод выдающегося памятника венгерской национальной словесности — «Турец-

ких писем»¹ («Török országi levelek») Келемана Микеша (Kelemen Mikes, 1690–1761), создававшихся их автором, европейски образованным трансильванским дворянином, в течение нескольких десятилетий в турецком изгнании. Факт издания «Турецких писем» значителен сам по себе, как устранение серьезного пробела в своде (в целом достаточно богатом) классических венгерских текстов на русском языке; пробела очевидного, если вспомнить о том, что до сих пор источником сведений о Микеше и главном труде его жизни оставалась у нас лапидарная заметка об этом авторе в «Краткой литературной энциклопедии» [Байков 1964], отчетливо диссоциирующая с его авторитетностью в европейском контексте. О последней же свидетельствует, кроме факта перевода венгерского памятника на основные европейские языки, напр., гораздо более подробная и дифференцированная статья о нем, представленная в солидном немецком «Киндлеровском новом литературном словаре» («Kindlers Neues Literaturlexikon») [Sarközi 1988].

Однако значимость публикации комментированного перевода «Турецких писем» в России этим не исчерпывается. Дополнительную важность данному изданию придает стремительно растущий в интернациональном контексте интерес к феномену «мировая литература», чему свидетельство, кроме многочисленных публикаций [d'Haen et al. (eds.) 2012; Stam 2019; Radaelli, Thurn (Hrsg.) 2019], — массовое открытие в последние годы в европейских университетах магистерских программ с подобным названием — явление, которое вряд ли возможно объяснить лишь веянием пришедшей из США моды. «Мировая литература способна реализоваться лишь в рамках национальной литературы» [Lamping 2010: 63], и, как отмечается в новейших источниках [Glesener, Kohns (Hrsg.) 2018; Hitzke, Finkelstein (Hrsg.) 2018; Lamping, Tihanov (Hrsg.) 2019], данный прорыв в сферу мировой литературы тем более очевиден и бесспорен, если он происходит в медиуме литературы «малой». Сформировавшийся в субстанции «малой» национальной литературы, текст Микеша имеет самое непосредственное отношение к литературе мировой.

Во-первых, потому, что получивший основательное гуманитарное образование Микеш, обогатившись опытом долговременного пребывания в Париже (в составе окружения своего покровителя князя Ракоци) в звездную пору французской культуры, на самом излете царствования Короля-Солнца, цитирует и рефлектирует в своих «Письмах» несметное количество идей, сюжетов и мотивов той самой мировой литературы от античности до раннего Просвещения. Вспомним современное определение изначально гётевского (сформулированного в 1827 г. в разговоре с И. П. Эккерманом) понятия «мировая литература» как «интертекстуально верифицируемой интернациональности литературы» [Lamping 2010: 113]. Сквозь призму подобной «интернациональности», отложившейся в знаемых им текстах, и воспринимает Микеш данную ему в опыте турецкую реальность — чуждую, чудную и чудесную одновременно:

В городе под названием Узункюпри, во дворе дома, где господин наш остановился на постой, увидели мы виноградный куст, огромный, как целое сливовое дерево. Не подумайте, что я вру, но на ветках его с одной стороны и ягоды были большие, будто сливы. Самое же удивительное: если с одной стороны куста виноград был зрелый,

¹ Микеш К. *Турецкие письма*. Цит. по: [Микеш 2017]. (Далее — *Письма*.)

то с другой — мелкий, зеленый, а с третьей только цвести начинал. Так что на одном кусте можно было видеть сразу три времени года (*Письма*. С. 12).

Не будучи прямой цитатой, данный пассаж пробуждает ассоциации с богатым рядом мировой литературы и фольклора, начиная с «чудес», увиденных Геродотом Галикарнасским в Скифии и Элефантине, через волшебные, с признаками всех четырех времен года, деревья «сада наслаждений» в вольфрамовском «Парцифале» («Parzival», 1200–1210), до вольтеровского Эльдорадо в повести «Кандид, или Оптимизм»² («Candide, ou l'Optimisme», 1759).

На аналогии с «Кандидом» хотелось бы остановиться подробнее. Повесть Вольтера — один из центральных текстов европейского Просвещения — писалась одновременно с «Письмами» Микеша. В частности, оба автора реагируют в своих текстах на одно из самых драматических событий середины XVIII в. — Лиссабонское землетрясение 1755 г. (*Кандид*. С. 417–420; *Письма*. С. 399). Кроме того, Вольтер прямо упоминает в своей философской повести покровителя Микеша князя Ракоци (в русском переводе — Рагоцци) в качестве живущего «на берегу Пропонтиды» (т. е. Мраморного моря) «владельческого» «трансильванского князя» (*Кандид*. С. 480, 482). Именно в его доме находит главный герой в итоге свою возлюбленную Кунигунду, поисками которой занимался на протяжении предшествующих 12 глав. Правда, «Кандид», вышедший в 1759 г., вряд ли был известен Микешу, до которого столь чаемые им французские книжные новинки доходили с большим опозданием. Тем более удивительна аналогия между концовкой вольтеровской повести и «Турецкими письмами». У Вольтера, как известно, все центральные персонажи поселяются в итоге на «маленькой ферме» (*Кандид*. С. 485) в Турции (предположительно как раз в месте обитания Ракоци и Микеша — Родошто или его окрестностях) с конечной установкой «возделывать наш сад» (*Кандид*. С. 489). Подобный же импульс — как воплощенная интенция — реализуется в тексте Микеша. Поселившись в возрасте 27 лет в турецких пределах, пусть и не по доброй воле (как думалось, на время, а получилось — навсегда), автор «Писем» именно в возделывании собственного сада обретает покой и умиротворение:

Я занялся хозяйством, в саду своем посадил несколько кустов винограда, они даже принялись и принесли две грозди. Я им так рад, словно владею Токайской горой. Милая кузина, как мало нужно, чтобы изгнанник был доволен жизнью (*Письма*. С. 353).

Во-вторых, «Письма» Микеша важны в силу той несомненной интернациональной значимости, которую этот причастный к европейской, а значит и мировой литературе и культуре образованный венгр первой половины XVIII в. сумел придать своему уникальному личностному опыту. Данный опыт становится объектом рефлексии и субстанцией самоидентификации в 207 «Письмах» Микеша к вымышленной кузине, писавшихся в течение четырех десятилетий с октября 1717 по декабрь 1758 г. в турецком изгнании, в которое он в числе примерно 50 соотечественников последовал за своим опальным покровителем князем Ференцем II Ракоци (1676–1735).

² Вольтер. *Кандид, или Оптимизм*. Цит. по: [Вольтер 1971: 409–489]. (Далее — *Кандид*.)

Почти каждый человек пишет письма, но не каждый умеет писать так, чтобы письмо понравилось. Есть люди, которые напишут, что хотят сказать, а получается сухо, бледно, безвкусно; другие же любую мелочь умеют описать так, придать ей такой вкус, что читать это — радость (*Письма*. С. 127).

Рассуждая так, автор «Турецких писем» хочет сделать комплимент своей воображаемой корреспондентке. Читатель же с неизбежностью относит данное высказывание к нему самому, Микешу, столь велики и несомненны радость и удовольствие — интеллектуального и эстетического свойства, — его текстом доставляемые и — об этом необходимо сказать отдельно — необыкновенно убедительно трансформируемые в русский языковой и культурный контекст переводчиком — классиком отечественной унгаристики Ю. П. Гусевым.

Талантливости перевода соответствует тонкость и глубина всеобъемлющей подробной интерпретации текста в сопроводительной статье Габора Тьюшкеша. Ключевое высказывание статьи связано со спецификацией новаторской субъектно-объектной организации текста Микеша, строящейся на продуктивном конструировании собственного авторского Я в медиуме литературы:

Писание в значительной степени помогало ему [Микешу. — Л. П.] выработать новое, соответствующее данному образу жизни самосознание, создавая на месте утраченного мира новую, во многом фиктивную реальность, творя для себя, насколько это возможно, нечто вроде дома [Тьюшкеш 2017: 431].

Собственный виртуальный «дом» создается из «подручных средств», будь то неизменно экономно, точно и пластично преобразуемые в повествовательный медиум контексты и детали социального и бытового порядка из жизни небольшой горстки изгнанников-венгров в Турции, немногие радости вроде упомянутых выше садоводческих достижений, общения с немногочисленными соотечественниками (из которых на особом месте — «маленькая Жужи», его единственная пассия, вышедшая в итоге по расчету замуж за другого), однако также и многие печали и фобии, такие как перенесенные (особенно в начале жизни в Турции, до поселения в Родошто) страдания от голода, зимнего холода и летней жары, изматывающая тоска по родине, безутешность по поводу кончины обожаемого господина — князя Ракоци, периодически повторяющиеся панические состояния ввиду в очередной раз надвигающейся эпидемии чумы. Жертвой одной из таких эпидемий 71-летний Микеш и становится в 1751 г., так и не увидев вновь родных мест. Естественность, с которой весь этот набор непростого жизненного опыта вплавляется в тон и слог непринужденного разговора с «кузиной», настолько захватывает и убеждает, что повторяющиеся суждения о «современности» («модерности») [Sarközi 1988; Костолани 2017; Тьюшкеш 2017] «Писем» Микеша вряд ли можно счесть преувеличением.

Наконец, в-третьих, дополнительно к столь актуальному, в том числе и в особенности для литературы XX–XXI вв., опыту изгнанника и культурного маргинала, столь ярко репрезентированному Микешем в его «Турецких письмах», статус произведения мировой литературы придает этому тексту тонкая и точная рефлексия по поводу переживания того культурного «промежутка» (интересно использованный автором сопроводительной статьи Тьюшкешом термин Ю. Н. Тынянова [Тьюшкеш 2017: 431]) между разными культурами — турецкой, армянской, еврей-

ской, греческой, — который определял его жизнь в Турции, протекавшую, в основном, в национально и конфессионально мультикультурном контексте г. Родошто (ныне г. Текирдаг в Турции).

Отечественной культуре известен еще более ранний (XV в.) пример «вживления» носителя христианизированного сознания в мусульманский контекст — тверской купец Афанасий Никитин (? — около 1475). В отличие от этого последнего, идентичность которого на четвертый год пребывания на чужбине начинает гибридизироваться, впитывая из окружающей среды элементы мусульманского мира (появление в никитинском «Хождении за три моря» арабско-персидской лексики и цитат из Корана) [Polubojarinova et al. 2015: 13–15], Микеш, несмотря на гораздо больший срок жития в мусульманском контексте, с очевидностью более строго блюдет языковые и конфессиональные параметры своей личности, до конца оставаясь последовательным европейцем и христианином. Очевидна тем не менее его растущая открытость по отношению к чуждой ему турецкой культуре, о культурно-политических основаниях и конфессиональных параметрах которой он отдельно подробно высказывается столь же неприукрашенно трезво, сколь и лояльно (*Письма*. С. 363–375).

Чудный бриллиант венгерской прозы появился в России в достойном обрамлении. Несомненно высоко, кроме уже упомянутого блестящего перевода, должен быть оценен также научный аппарат издания. Обращают на себя внимание прежде всего три сопроводительные статьи: краткое и яркое эссе о Микеше-прозаике классика венгерской литературы Дежё Костолани (1885–1936), подробный анализ контекста венгерской национальной и трансильванской истории в качестве фона, на котором появляются «Турецкие письма», во вдумчивой статье О. Хавановой [Хаванова 2017], глубокая и тонкая интерпретация шедевра Микеша, выполненная ведущим венгерским литературоведом-компаративистом Тьюшкешом [Тьюшкеш 2017]. Текст снабжен подробным комментарием, книга прекрасно иллюстрирована: в ней представлена, кроме иконографии Микеша и фотографий мест в Трансильвании и Турции, связанных с его памятью, также информативная карта маршрутов его путешествий (в составе свиты князя Ракоци) в Польшу, Великобританию, Францию и оттуда, по Средиземному морю, в Турцию.

В издании, которое, подобно дворцу, кропотливо «строилось» переводчиком и комментаторами в течение не одного года, неизбежны некоторые неровности исполнения. Так, можно посоветовать на комментаторов за неразвернутость некоторых мотивов и сюжетов. Например, когда читаешь в тексте Микеша следующий пассаж, завершающий детальное описание шествия визиря:

...визирь здесь — настоящий бог земной: в других странах короля не встречают с такой помпой, с такими церемониями, как тут встречали визиря. Но ах! Вся эта роскошь, все это сияние — не подобны ли они королевскому великолепию в какой-нибудь комедии? (*Письма*. С. 17)

— скупая фраза комментария к нему несколько разочаровывает: «Вновь отголосок французских впечатлений: Микеш вместе со своим патроном, князем Ракоци, часто бывал в парижских театрах» [Гусев и др. 2017: 505]. Как кажется, возможно было бы в этом месте вспомнить об одной конкретной французской комедии, в бурлескной форме выводящей роскошь турецких придворных церемоний, — «Мещанине во

дворянстве» («Le Bourgeois gentilhomme», 1670) Ж.-Б. Мольера. Аналогия в данном случае напрашивается и была бы весьма уместной в том числе и в плане культурно-типологическом, независимо от наших знаний о том, имел ли место факт посещения Микешем в Париже постановки мольеровской «комедии-балета».

Несколько недостаточным представляется также комментарий к шутливому заявлению Микеша о том, что «капуста — герб Эрдея» (*Письма*. С. 127): «...как уже упоминалось, блюда из капусты действительно популярны в Трансильвании...» [Там же 2017: 531]. Нам представляется, что автор «Писем» в данном случае явно намекает на оптическую близость к кочану капусты либо грифона с поднятыми крыльями, расположенного в центре герба Трансильвании, либо солнца, расположенного в его левой части. Остается сожалеть, что эта интересная аналогия прошла мимо внимания комментаторов.

Однако эти и подобные моменты, как и некоторые досадные оговорки и опечатки основного текста и комментариев (султаны Махмуд и Осман названы вначале «двоюродными братьями по отцу», а затем — «сыновьями султана Мустафы» (*Письма*. С. 397), т. е. единокровными братьями; князь Ракоци однажды именуется «герцогом» (*Письма*. С. 437); пассия Микеша Жужи однажды названа «Жужжи» (*Письма*. С. 451); есть несколько опечаток в датах, напр. «В июле 1939» вместо «1739» (*Письма*. С. 583)), не портят общего впечатления от редкостного по основательности и высокому регистру филологической культуры издания, исключительно достойного, актуального и несомненно важного для отечественного контекста.

Последний момент можно проиллюстрировать одним эпизодом из той части писем Микеша, которая относится к периоду после кончины столь любимого и чтимого им князя Ракоци. Сын и наследник последнего Йозеф, прибывший к венгерским изгнанникам в Родошто, отбывает вместе с ними в Молдавию, чтобы принять участие в русско-турецкой войне 1736–1739 гг. на стороне Порты, однако умирает в походе. Оставшиеся без предводителя венгры, пустившись в обратный путь, добираются до своей второй родины врассыпную, по пути Микеш на некоторое время задерживается в румынско-молдавских пределах, довольно близко к Хотину — главному очагу военных действий.

Хотин и Хотинская битва известны русскому читателю главным образом благодаря знаменитому памятнику отечественной словесности — «Оде... на взятие Хотина 1739 года»³ (далее в тексте — Хотинская ода) М. В. Ломоносова.

Восторг внезапный ум пленил,
Ведет на верьх горы высокой,
Где ветер в лесах шуметь забыл;
В долине тишина глубокой (*Ода*. С. 61) —

известное начало ломоносовской оды увлекает звучными стихами и яркой образностью, однако («поэт издалека заводит речь») пока еще не вводит в курс дела. Сообразно древней европейской одической традиции, предполагающей пространный зачин, проходит некоторое время, прежде чем читатель, после компетентной апелляции лирического субъекта к «кастильским водам», «пермесскому жару» и парнас-

³ Ломоносов М. В. *Ода блаженныя памяти государыне императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года*. Цит. по: [Ломоносов 1986: 61–68]. (Далее — *Ода*.)

ским высотам, на уровне конца третьей строфы посвящается в главный конфликт произведения: столкновение христианского, православного воинства с турецкими (относящимися к Османской Порте) и татарскими (т.е. крымско-татарскими, выступавшими союзником Порты) войсками при Ставучанах 17 (28) августа 1739 г. («К российской силе так стремятся, / Кругом объехав, тьмы татар» — *Ода*. С. 62), которое завершается разгромом турок и взятием русским войском под началом графа Б. К. фон Миниха стратегически важной крепости Хотин.

Хотинская ода Ломоносова, «синтез панегирика императрице Анне Иоанновне и „победной песни“» [Травников, Ольшевская 2011: 219], вовсе не стремится к пространственной и временной детализации события, что, собственно, и не входит в ее жанровое задание. Сжав, как в классицистской драме (или в убыстренной съемке), события трех с половиной дней до одних суток, субъект одического высказывания, при соблюдении достоверности общих параметров, не заботится и о референциальности в репрезентации ландшафта битвы, ориентируясь скорее на культурно кодифицированные визуальные клише: «Хотинская ода богата пейзажными зарисовками, характерными для живописи второй половины XVII — первой трети XVIII в.» [Там же 2011: 220], и даже если намечается «реальный ландшафт», более важным все же оказывается «символический подтекст» [Там же 2011: 220] изображаемого пространства. Ср.: «“Высокая гора” соотносится и с положением турецкого лагеря при Ставучанах» [Морозов 1986б: 500].

Символический подтекст организует и богатейшую образность оды, с неизбежностью подчиняющуюся закону логической и ценностной бинарности:

Аллегорические образы в оде образуют два антитетических ряда: лев — орел — орлица (русские) и волки — волк — змея (турки), причем если в первом случае образная система строится по восходящей линии и служит выражением идеи царственности, победоносности, то вторая — по нисходящей, заключая в себе мысль о духовной «нечистоте» и падении. Символические антитетические ряды — свет — день — солнце (русские) и тьма — ночь — месяц (турки и татары) — помогают в раскрытии идейного замысла произведения, ведь за противоборством империй стоит гораздо большее, чем военно-политический конфликт, — столкновение христианского и мусульманского миров. Для него все, связанное с Россией, светоносно и добродетельно, а враждебное ей предстает как темная, гнетущая, разрушающая сила [Травников, Ольшевская 2011: 223].

Создавая Хотинскую оду в достаточно удаленном от места событий немецком Марбурге, Ломоносов, как известно, опирался главным образом на газетную информацию о ходе русско-турецкой кампании [Морозов 1986а: 15]. В силу пространственной дистанции, однако в неменьшей мере и в силу законов, диктуемых жанром и «штилем», момент частного, личного отношения к событиям битвы предстает у Ломоносова существенно редуцированным: «Это разговор не наедине с собой, а прилюдное, публичное обнажение чувств; поскольку для автора личное и общественное едины, то исповедь превращается в проповедь...» [Травников, Ольшевская 2011: 232].

Все ровно наоборот — исповедь вместо проповеди — в другом текстовом свидетельстве хотинских событий, которое находим в книге венгерского интеллектуала, дворянина и политического изгнанника Микеша. Пребывая в момент

совершения исторической Хотинской битвы в 170 километрах к югу в румынских (находившихся под протекторатом Порты) Яссах, Микеш, верный слуга своего сюзерена Ференца Ракоци, заключившего союз с турками против Габсбургов, имея за плечами 31 год жизни в Турции, казалось бы, должен «болеть» за турецкое войско. Однако этого не происходит. В «Письмах» к воображаемой кузине, имеющих вид интимного дневника, он занимает по отношению к конфликту турок и «татар» с «москалями» позицию «над схваткой», тем более что его собственного печального статуса изгнанника исход битвы явно не изменит: «Пускай хоть всех съедят, мне не жалко, жалко только, что живем такой печальной жизнью» (*Письма*. С. 298). Гораздо больше его заботят страхи — свои собственные и местного, преимущественно румынского населения — перед возможным нашествием «диких» казаков. Артикулируя таковые, он выказывает себя «типичным» транслятором западных клише и дискурсивных механизмов по части «изобретения Восточной Европы», реальным изводом которых в исследовании Л. Вульфа нередко выступает страх перед «казаками» [Вульф 2003: 84, 86, 113]. Ср.: «С утра до вечера здесь только о казаках и говорят, нет другой молитвы, кроме как: избавь нас, Господь, от казаков» (*Письма*. С. 340). При чем страхи его в конечном итоге оказываются напрасными: «...чтобы ты, кузина, знала, что те дикие казаки меня не забрали» (*Письма*. С. 341).

Ярко выраженной «партийности» позиции субъекта ломоносовской оды противостоит точка зрения частного человека, жертвы политических интриг, которого долгий опыт пребывания на чужбине научил прежде всего заботиться о собственной безопасности. Этот же опыт, в сочетании с врожденным даром наблюдения, рефлексии и слова пробуждает в нем открытость по отношению к ближайшему контексту, в частности к ландшафту, который, в отличие от ломоносовской оды, оценивается не панорамно-глобализированно (ср.: «С поэтического Олимпа Ломоносов обозревает окрестности, охватывая взглядом огромные пространства: от “Молдавских гор” до “Каспийских вод” и “Китайских стен”» [Травников, Ольшевская 2011: 225]), но эстетически и экономически — на основе сугубо личного телесного опыта его освоения:

...по каким красивым местам, по каким ландшафтам едешь из Бухареста до самых Ясс, — глаз не оторвешь. Какая жалость, что великолепные эти земли пустыют! За два дня хорошо если раз мы встретили человеческое жилье. Более прекрасной земли я никогда не видел, путешествие было у нас чудесное, и найдись тут какая-нибудь невеста, она бы с радостью путешествовала с нами, потому как от Бухареста до Ясс видела бы только дивные и самые разнообразные цветы. Поля везде были покрыты цветами, так что лошади наши ступали по гвоздикам и тюльпанам (*Письма*. С. 335);

Где найдешь землю красивее и лучше, чем здесь? Все, что земля родит, здесь красивее и лучше, чем в других местах, — разнообразные плоды полей и садов. Где увидишь лучшую скотину, чем здесь? Где еще можно есть такую вкусную говядину? Вино здешнее можно ставить на любой стол, котнарское же вино и женщины могут с удовольствием и приятностью употреблять. Но жители здесь — дикие звери, чудесную плодородную землю оставляют пустовать, а сами живут в лесах (*Письма*. С. 338).

Поэт Ломоносов и прозаик Микеш — современники-антиподы, и их разность определяется не только принципиальным несходством установок поэта и прозаика. Один набирается в Германии знаний и опыта, чтобы применить их на родине

во славу отечественной науки и поэзии, которую еще предстоит создать и начало сотворения которой он, собственно, и кладет своей Хотинской одой: как известно, последняя, «хотя являлась его первым опытом в жанре победно-патриотической оды и силлабо-тонического стихосложения, во многом определила развитие не только творчества поэта, но и всей русской поэзии» [Там же: 213–214], т. е. творит из мировой литературы — национальную. Другой же свою собственную «малую» национальную литературу поднимает до ранга мировой. Не менее привязанный к своей венгерской отчизне в образе малой родины — Трансильвании и потомственного поместья в родном Загоне, однако почти утративший после десятилетий изгнания надежду на возвращение, он не идентифицирует себя до конца ни с современной ему габсбургизированной Венгрией, ни с временными (всегда в итоге ненадежными) союзниками в лице французов или турок. Берясь за перо в силу жесточайшей необходимости, ради сохранения себя как личности и собственной персональной идентичности, Микеш — как бы от противного и потому, что ничего более не остается, — сотворяет в медиуме прозы и себя самого, свое уникальное писательское Я, и — саму венгерскую словесность Нового времени, придавая ей акцент и качество мировой литературы.

Источники

- Вольтер 1971 — Вольтер Ф. М. А. *Орлеанская девственница. Магомет. Философские повести*. Пер. с фр. Серия: Библиотека всемирной литературы. М.: Художественная литература, 1971. 719 с.
- Костолани 2017 — Костолани Д. Келемен Микеш. В кн.: Микеш К. *Турецкие письма*. Пер. с венг. Ю. П. Гусева. Гусев Ю. П. (ред.). Серия: Литературные памятники. М.: Наука, 2017. С. 417–422.
- Ломоносов 1986 — Ломоносов М. В. *Избранные произведения*. Морозов А. А. (ред.). Серия: Библиотека поэта. Л.: Советский писатель, 1986. 558 с.
- Микеш 2017 — Микеш К. *Турецкие письма*. Пер. с венг. Ю. П. Гусева. Гусев Ю. П. (ред.). Серия: Литературные памятники. М.: Наука, 2017. 611 с.

Словари и справочная литература

- Байков 1964 — Байков В. И. Микеш. В кн.: *Краткая литературная энциклопедия*: в 9 т. Сурков А. А. (ред.). Т. 4. М.: Советская энциклопедия, 1964. Стб. 952.
- d'Haen et al. (eds.) 2012 — *The Routledge companion to world literature*. d'Haen Th., Damrosch D., Kadir D. (eds.). London: Routledge, 2012. 515 p.
- Sarközi 1988 — Sarközi M. Keleman Mikés. Törökországí levelek. In: *Kindlers neues Literaturlexikon*: in 22 Bdn. Jens W (Hrsg.). Bd. 11. München: Kindler Verlag, 1988. S. 671.

Литература

- Вульф 2003 — Вульф Л. *Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения*. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 560 с.
- Гусев и др. 2017 — Гусев Ю. П., Тюшкеш Г., Хаванова О. Примечания. В кн.: Микеш К. *Турецкие письма*. Пер. с венг. Ю. П. Гусева. Гусев Ю. П. (ред.). Серия: Литературные памятники. М.: Наука, 2017. С. 500–610.
- Морозов 1986а — Морозов А. А. Михаил Васильевич Ломоносов. В кн.: Ломоносов М. В. *Избранные произведения*. Морозов А. А. (ред.). Серия: Библиотека поэта. Л.: Советский писатель, 1986. С. 5–58.
- Морозов 1986б — Морозов А. А. Примечания. Ломоносов М. В. *Избранные произведения*. Морозов А. А. (ред.). Серия: Библиотека поэта. Л.: Советский писатель, 1986. С. 489–537.

- Травников, Ольшевская 2011 — Травников С. Н., Ольшевская Л. А. «Лавровы вьются там венцы...» (Поэтика «Оды на взятие Хотина»). *Литературный журнал*. 2011, 29: 213–235.
- Тюшкеш 2017 — Тюшкеш Г. Келемен Микеш и «Турецкие письма». В кн.: Микеш К. *Турецкие письма*. Пер. с венг. Ю. П. Гусева. Гусев Ю. П. (ред.). Серия: Литературные памятники. М.: Наука, 2017. С. 423–476.
- Хаванова 2017 — Хаванова О. Родина Келемана Микеша: Трансильванское княжество. В кн.: Микеш К. *Турецкие письма*. Пер. с венг. Ю. П. Гусева. Гусев Ю. П. (ред.). Серия: Литературные памятники. М.: Наука, 2017. С. 477–498.
- Glesener, Kohns (Hrsg.) 2018 — *Weltliteratur und Kleine Literaturen*. Glesener J. E., Kohns O. (Hrsg.). Würzburg: Königshausen u. Neumann, 2018. 250 S.
- Hitzke, Finkelstein (Hrsg.) 2018 — *Slawische Literaturen der Gegenwart als Weltliteratur — hybride Konstellationen*. Hitzke D., Finkelstein M. (Hrsg.). Innsbruck: Innsbruck University Press, 2018. 251 S.
- Lamping 2010 — Lamping D. *Die Idee der Weltliteratur. Ein Konzept Goethes und seine Karriere*. Stuttgart: Kröner, 2010. 151 S.
- Lamping, Tihanov (Hrsg.) 2019 — *Vergleichende Weltliteraturen = Comparative World Literatures*. Lamping D., Tihaniv G. (Hrsg.). Stuttgart: Metzler, 2019. 522 S.
- Polubojarinova et al. 2015 — Polubojarinova L., Kobelt-Groch M., Kulishkina O. Einleitung. In: *Phänomenologie, Geschichte und Anthropologie des Reisens. Internationales interdisziplinäres Alexander-von-Humboldt-Kolleg in Saint Petersburg 16.–19. April 2013*. Kiel: Solivagus-Verlag, 2015. S. 13–23.
- Radaelli, Thurn (Hrsg.) 2019 — *Gegenwartsliteratur — Weltliteratur: historische und theoretische Perspektiven*. Radaelli G., Thurn N. (Hrsg.). Bielefeld: Transcript, 2019. 322 S.
- Stam 2019 — Stam R. *World literature, transnational cinema, and global media: towards a transartistic commons*. London; New York: Routledge, 2019. 275 p.

Статья поступила в редакцию 22 июня 2019 г.
Статья рекомендована в печать 23 сентября 2019 г.

Larisa N. Poluboyarinova

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
l.poluboyarinova@spbu.ru

World literature in the interim of cultures: about the Russian edition of *Letters from Turkey* by Kelemen Mikes

For citation: Poluboyarinova L. N. World literature in the interim of cultures: about the Russian edition of *Letters from Turkey* by Kelemen Mikes. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2019, 16 (4): 702–712. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.410> (In Russian)

The article provides a detailed critical review of the Russian-language commented scientific publication of *Letters from Turkey* by Kelemen Mikes, an outstanding monument of Hungarian narrative prose of the 18th century. The text is analyzed in terms of the currently relevant category ‘world literature.’ In the course of the analysis, three important points of association of *Letters from Turkey* with world literature are revealed. These are namely firstly, a high degree of internationality of ideas, plots and motifs presented in this work in the form of obvious and hidden quotations; secondly, the way in which the author designs his own writer’s identity; thirdly, the specific sharpness and depth of cross-cultural and cross-confessional analysis of the Islamic context and the particular multicultural “interim” (in contact with the Turkish, Armenian, Jewish, and Greek cultures), in which the author as a European-educated Hungarian Christian intellectual lived for several decades. Highlighting some of the shortcomings of the scientific apparatus of the publication, the author notes the high level of philological culture inherent in the book as a whole. In the course of comparing the *Khotyn* episode of *Letters* by Mikes with *Ode on the Taking of Khotin from the Turks* by Mikhail Lomonosov, it

was concluded that the literary tasks of the two authors, who were contemporaries, are opposites. Lomonosov creates an outstanding monument of national literature from the elements of world literature; on the contrary, Mikes elevates the Hungarian national prose to the level of world literature.

Keywords: *Letters from Turkey* by Kelemen Mikes, *Khotyn ode* by Mikhail Lomonosov, world literature, national literature, epistolary prose.

References

- Вульф 2003 — Wolff L. *Inventing Eastern Europe. The map of civilization on the mind of the enlightenment*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2003. 560 p. (In Russian)
- Гусев и др. 2017 — Gusev Iu. P., Tüskés G., Khavanova O. Notes. In: Mikes K. *Turetskie pis'ma*. Transl. from Hungarian by Iu. P. Gusev. Gusev Iu. P. (ed.). Series: Literaturnye pamiatniki. Moscow: Nauka Publ., 2017. P. 500–610. (In Russian)
- Морозов 1986a — Morozov A. A. Mikhail Vasilyevich Lomonosov. In: Lomonosov M. V. *Selected works*. Morozov A. A. (ed.). Series: Biblioteka poeta. Leningrad: Sovetskii pisatel' Publ., 1986. P. 5–58. (In Russian)
- Морозов 1986b — Morozov A. A. Notes. In: Lomonosov M. V. *Selected works*. Morozov A. A. (ed.). Series: Biblioteka poeta. Leningrad: Sovetskii pisatel' Publ., 1986. P. 489–537. (In Russian)
- Травников, Ольшевская 2011 — Travnikov S. N., Ol'shevskaya L. A. “Laurel wreaths are weaving there...” (Poetics of “Ode on the taking of Khotin”). *Literary Magazine*. 2011, 29: 213–235. (In Russian)
- Тюшкеш 2017 — Tüskés G. Kelemen Mikes and “Turkish letters.” In: Mikes K. *Turetskie pis'ma*. Transl. from Hungarian by Iu. P. Gusev. Gusev Iu. P. (ed.). Series: Literaturnye pamiatniki. Moscow: Nauka Publ., 2017. P. 423–476. (In Russian)
- Хаванова 2017 — Khavanova O. Homeland of Keleman Mikes: Transylvanian Principality. In: Mikes K. *Turetskie pis'ma*. Transl. from Hungarian by Iu. P. Gusev. Gusev Iu. P. (ed.). Series: Literaturnye pamiatniki. Moscow: Nauka Publ., 2017. P. 477–498. (In Russian)
- Glesener, Kohns (Hrsg.) 2018 — *Weltliteratur und Kleine Literaturen*. Glesener J. E., Kohns O. (Hrsg.). Würzburg: Königshausen u. Neumann, 2018. 250 S.
- Hitzke, Finkelstein (Hrsg.) 2018 — *Slawische Literaturen der Gegenwart als Weltliteratur — hybride Konstellationen*. Hitzke D., Finkelstein M. (Hrsg.). Innsbruck: Innsbruck University Press, 2018. 251 S.
- Lamping 2010 — Lamping D. *Die Idee der Weltliteratur. Ein Konzept Goethes und seine Karriere*. Stuttgart: Kröner, 2010. 151 S.
- Lamping, Tihanov (Hrsg.) 2019 — *Vergleichende Weltliteraturen = Comparative World Literatures*. Lamping D., Tihaniv G. (Hrsg.). Stuttgart: Metzler, 2019. 522 S.
- Polubojarinova et al. 2015 — Polubojarinova L., Kobelt-Groch M., Kulishkina O. Einleitung. In: *Phänomenologie, Geschichte und Anthropologie des Reisens. Internationales interdisziplinäres Alexander-von-Humboldt-Kolleg in Saint Petersburg 16.–19. April 2013*. Kiel: Solivagus-Verlag, 2015. S. 13–23.
- Radaelli, Thurn (Hrsg.) 2019 — *Gegenwartsliteratur — Weltliteratur: historische und theoretische Perspektiven*. Radaelli G., Thurn N. (Hrsg.). Bielefeld: Transcript, 2019. 322 S.
- Stam 2019 — Stam R. *World literature, transnational cinema, and global media: towards a transartistic commons*. London; New York: Routledge, 2019. 275 p.

Received: June 22, 2019

Accepted: September 23, 2019